

ДЖУЛИАНА ГРЕЙ

НЕПРИСТУПНЫЙ
ГЕРЦОГ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Г79

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Juliana Gray

A DUKE NEVER YIELDS

Перевод с английского *Е.А. Ильиной*

Компьютерный дизайн *Э.Э. Кунтыш*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных
агентств Janklow & Nesbit Associates и
Prava I Prevodi International Literary Agency.

Грей, Джулиана.

Г79 Неприступный герцог : [роман] / Джулиана Грей ;
[пер. с англ. Е.А. Ильиной]. — Москва : Издательство
АСТ, 2017. — 320 с. — (мини-Шарм).

ISBN 978-5-17-106304-7

Юная Абигаиль Хэрвуд лелеяла дерзкий план избежать унылого брака по расчету и жаждала любви, пусть даже тайной.

Казалось, все складывается как нельзя лучше — и романтическое путешествие в Италию, и жизнь в старинном замке, а главное, встреча со знаменитым лондонским повесой и сердцем герцога Уоллингтоном. Чем не идеальный любовник? Однако знаменитый оболыститель, впервые в жизни влюбившийся по-настоящему пылко и страстно, имеет по отношению к Абигаиль самые серьезные намерения. И он недвусмысленно дает понять, что счастье в его объятиях возможно лишь на брачном ложе...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Juliana Gray, 2013
© Перевод. Е.А. Ильина, 2013
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-106304-7

*Посвящается всем преданным
поклонницам Клуба любовного романа
и, конечно же, нашей дорогой
остроумной Абигаиль, сумевшей
приручить герцога*

Пролог

*Лондон,
февраль 1890 года*

Герцог Уоллингфорд не слишком любил, когда в его доме звучали голоса. И не важно, кому они принадлежали — его камердинеру или любовнице, хотя он ни разу не провел с женщиной целую ночь. И уж конечно, ему не хотелось слышать голос, оскорбляющий его слух в эту самую минуту.

— Так, так, — сказал герцог Олимпия, обращаясь к распростертому на кровати своему старшему внуку. — Как человек, рожденный внушать благоговейную почтительность, ты выглядишь сейчас довольно жалко.

Однако Уоллингфорд даже не потрудился открыть глаза. Во-первых, его терзала невыносимая головная боль, и утренний свет доставил немало страданий, едва лишь он попытался приподнять отяжелевшие веки. А во-вторых, будь он проклят, если доставит старику удовольствие.

— Кто, черт возьми, вас впустил? — недовольно спросил Уоллингфорд.

— Твой камердинер был чрезвычайно любезен.

— Мне стоит немедленно его уволить.

Оставив это замечание без ответа, герцог Олимпия направился к окну в дальнем конце спальни и отдернул штору.

— Чудесный сегодня день. Ты только посмотри, как блестит на солнце снег, Уоллингфорд. Подобное нельзя пропустить.

Уоллингфорд прикрыл лицо рукой.

— Да гори все оно в аду, дед.

До его слуха донесся вздох.

— Мой дорогой мальчик, могу я попросить тебя накинуть халат? Я не привык общаться с обнаженными представителями мужского пола в это время суток. Да и вообще в любое другое время, раз уж на то пошло.

Артур Пенхэллоу, герцог Уоллингфорд, двадцати девяти лет от роду, лениво махнул рукой в сторону гардеробной.

— Если зрелище вас оскорбляет, дедушка, прошу пройти в гардеробную. Насколько я помню, халаты висят справа. Зимой я предпочитаю индийский кашемир.

— Вынужден отклонить твое милостивое позволение, — сказал Олимпия. — Позвоню вместо этого твоему камердинеру. А ты не думал о том, чтобы приобрести ночную рубашку?

— В шестьдесят пять лет, когда я утрачу всякую надежду на внимание к моей иссохшей персоне со стороны представительниц прекрасного пола, я вспомню о ваших словах. — Сказав это, Уоллингфорд поступил нечестно. Он ведь знал, что его дед время от времени наслаждается компанией самой леди Генриетты Пемброк, весьма тщательно выбирающей любовников. Но перспектива уязвить деда оказалась слишком соблазнительной.

— И все же, Артур, по тебе совсем не видно, что какая-то леди испытывает интерес к твоей персоне. — Герцог деликатно откашлялся. — Я бы даже сказал — совсем наоборот.

— Отстаньте.

— Ну что за грубые отпрыски получились у моих детей? Шелмерстоун, его светлости необходим халат.

До слуха Уоллингфорда донесся шорох шагов камердинера по толстому персидскому ковру, устилающему пол гардеробной.

— Шелмерстоун, — обратился он к слуге, — как только оденете и побреете меня, можете собрать свои вещи и освободить мой дом. Я запретил беспокоить меня раньше девяти, тем более ради такого несносного человека, как его светлость.

— Да, сэ, — сказал камердинер, уже давно привыкший к тому, что его увольняют по нескольку раз в день. — Я взял на себя смелость приготовить для вас серое пальто и лучшую бобровую шапку.

— Какого черта? Я не собирался сегодня в церковь.

— Я выбрал этот наряд для визита к леди, сэ, для улаживания беспрецедентно щекотливого вопроса.

Слова камердинера заставили Уоллингфорда сесть.

— К какой леди? — сурово спросил он, прикрывая глаза от немилосердно бьющего в окна света. Ему показалось, или воздух в доме действительно пропитан спертым запахом шампанского? — И о каком щекотливом вопросе идет речь? — Уоллингфорда передернуло от отвращения.

— К мадам де ла Фонтен, конечно. — С видом человека, обладающего высокими моральными принципами, Шелмерстоун возник в дверях гардеробной. В руках он держал желтовато-коричневый кашемировый халат.

— Помогите. — Уоллингфорд поднялся с постели и, движимый силой привычки, вытянул руки, чтобы камердинер смог накинуть на него халат.

Как всегда безупречный в дорогом твидовом костюме и высоких сапогах, Олимпия бросил на внука испепеляющий взгляд и испустил полный страдания вздох. Уоллингфорд ненавидел этот вздох с детства. Подобно внезапно изменившему направлению ветру, он не сулил ничего хорошего.

— Мой дорогой мальчик, не делай вид, будто ты ничего не понимаешь. Весь город судачит об устроенном тобой очаровательном фарсе. Ты ведь собираешься завязать пояс? В моем возрасте так легко расстроить пищеварение.

Уоллингфорд раздраженно запахнул полы халата.

— Никакого фарса не было, дедушка. Герцогу Уоллингфорду не к лицу снисходить до дешевых выходов.

— Шелмерстоун, — обратился герцог Олимпия к камердинеру, не сводя своих ясных голубых глаз с лица внука, — не будете ли вы так любезны оставить нас ненадолго?

— Конечно, ваша светлость. — Шелмерстоун поставил на столик плошку с мылом для бритья и вышел из спальни.

Уоллингфорд попытался улыбнуться.

— Будете меня бранить?

Герцог Олимпия подошел к окну, пальцем отодвинул занавеску и окинул взглядом белоснежные фронтоны Белгрейв-сквер. Утренний свет смягчил его суровые черты, и если бы не поблескивающая в волосах седина, его можно было бы принять за пышущего здоровьем мужчину в расцвете лет.

— Я не возражаю против того, чтобы ты спал с этой женщиной, — произнес он неестественно спокойным тоном, который приберегал для особенно коварных разговоров. — Мужья-французы весьма терпимы к проявлениям супружеской неверности, и, будучи дипломатом, мсье де ла Фонтен прекрасно осознает преимущества, которые дает ему эта любовная связь. Именно поэтому он и женился на столь привлекательной женщине.

Уоллингфорд пожал плечами.

— Он всегда такой любезный.

— Да, конечно. А взамен наверняка ожидает от тебя проявления уважения. Малой толики... — Тут Олимпия едва заметно повысил голос, что обычно свидетельствовало о том, что он переходит в атаку: — Малой толики воспитания, которое удержало бы тебя от удовлетворения похоти на стороне, в то время как ты считаешься любовником леди Сесилии де ла Фонтен. — Герцог повернулся к внуку, и в его глазах вспыхнул гнев. — Под ее собственной крышей, на устроенном ею званом вечере. Разве можно было унижить ее больше?

— Я никогда не давал Сесилии никаких обещаний. — Кровь Уоллингфорда постепенно превращалась в лед, защищая его от нападков деда. Конечно же, он кривил душой. Он прекрасно осознавал возможные последствия своего поступка, когда овладевал очаровательной леди — черт возьми, он позабыл ее имя! — прямо у стены изящной оранжереи леди де ла Фонтен с бесцеремонностью, граничащей с высшей степенью глупости. Впрочем, само приключение оказалось весьма приятным, хотя и чересчур пропитанным удушающим ароматом столь любимых леди Сесилией орхидей. И все же любая

леди, отчаянно желающая завести интрижку с любовником хозяйки званого вечера, заслуживала мало-мальски почтительного обхождения.

Разве мог Уоллингфорд предположить, что Сесилия решится отомстить за себя на глазах у всех, вылив ему на голову полный бокал отменного французского шампанского? Его волосы до сих пор были липкими.

— Ну конечно. Мог ли я ожидать от тебя чего-то иного? — презрительно протянул Олимпия. — Однако то, что ты делишь постель с такой уважаемой и высокопоставленной леди, как мадам де ла Фонтен, само по себе многообещающе. Впрочем, это касается любой женщины, хотя мне вряд ли стоит надеяться на то, что у тебя достанет благородства признать это.

Уоллингфорд не знал ни одного человека, способного сыпать обвинениями так жестоко, как герцог Олимпия. Он чувствовал, как упреки деда ударяются о созданную им броню в попытках отыскать слабое место. Ему пришлось напрячь все свои усилия, чтобы сделать эту броню непробиваемой. Ощувив удовлетворение от своей неуязвимости, Уоллингфорд прислонился спиной к резной опоре кровати и сложил руки на груди.

— Горшок над котлом смеется, а оба черны. Вам известна эта пословица, дедушка?

— Я не отрицаю того, что имел связи со многими женщинами, — ответил герцог, — но в большинстве своем они были более интересными особами, чем те, что окружают тебя. И мне всегда хватало ума завершить отношения с одной любовницей, прежде чем завести другую.

— За исключением вашей жены.

Когда слова эти разрезали воздух и стремительно закружились в бледном свете утра, Уоллингфорд пожалел, что их произнес.

Над тут же прижатым к груди кулаком герцога неожиданно ярко блеснула золотая цепочка часов.

— В будущем, — спокойно произнес он, — избегай любых упоминаний ее светлости в непристойном контексте. Ты меня понял?

— Конечно.

— Я часто раздумываю над тем, — пальцы герцога разжались, — что жена, возможно, могла бы тебя усмирить. Ну или хотя бы немного укротить твои низменные инстинкты.

— Я довольно смирный человек. И отличный хозяин. В моих поместьях царит порядок, а крестьяне довольны... — Уоллингфорд зло подумал о том, что ведет себя точно школьник, ожидающий хоть какого-то поощрения.

— Я знаю и очень ценю это, — согласился герцог. — Твоему шалопаю отцу не удалось сделать ничего подобного. Не перестаю удивляться тому, как моей дочери могло прийти в голову выйти за него замуж. Он был очень красив. И все же... — Олимпия выразительно пожал плечами.

— Прошу вас не забывать о том, что вышеозначенный шалопай был моим отцом.

Олимпия поднес часы ближе к лицу и шелчком откинул их крышку.

— Природа наградила тебя многочисленными ценными качествами. И мне больно видеть, как они пропадают понапрасну.

— Прошу прощения, — заметил Уоллингфорд, — вы куда-то торопитесь? Так если вам нужно уйти, умоляю, не стесняйтесь.

— Перейду сразу к делу. Насколько я понимаю, мистер Берк сделал тебе предложение.

Уоллингфорд округлил глаза, а потом отошел от деда и растянулся в кресле.

— Вы имеете в виду эту бредовую идею о том, чтобы уехать на год в Италию и вести там целомудренный образ жизни?

— А ты, полагаю, не способен на подобное самоотречение?

Уоллингфорд запрокинул голову на спинку кресла, обитую ярко-зеленой узорчатой тканью, и рассмеялся:

— Да будет вам, дедушка. Зачем мне это? Какая от этого польза? Никогда не понимал глупого самопожертвования, исповедуемого такими людьми, как Берк.

— В самом деле? И ты ни разу не задумался о его нелегкой жизни?

— Вы хотите сказать — о жизни вашего незаконнорожденного сына? — спросил Уоллингфорд.

И вновь в спальне повисла угрожающая тишина. И вновь Уоллингфорд пожалел о сказанном. В конце концов, Финеас Берк был отличным парнем. Долговязый, рыжеволосый и немногословный, он слыл настоящим научным гением и изобретателем. Конструировал электрические батареи, безлошадные экипажи и много чего другого. Уникальный человек, без преувеличения. К тому же совершенно чуждый раздражительности, притворной обидчивости, тщеславных устремлений и наигранной манерности, присущих большинству незаконнорожденных детей аристократии. Берк просто занимался тем, что ему по душе, не обращая внимания на условности. В результате его с радостью принимали везде. В глубине души Уоллингфорд считал Берка своим лучшим другом, хотя ни за что не признался бы в этом публично.

Берк был настолько умен и предан, настолько спокоен в любой, даже, казалось бы, безвыходной ситуации, что Уоллингфорд готов был простить ему статус любимчика старого герцога.

— Видишь ли, — тихо произнес Олимпия, — я знаю, каково это. Ты всегда знал, что рано или поздно унаследуешь титул герцога. Господь одарил тебя красотой и статью. Ты принимаешь все как должное. Считаешь, что заработал все это... — Герцог обвел рукой уставленную изысканной мебелью спальню, за дверью которой бесшумно двигались по дому многочисленные слуги, и указал на окна, за которыми раскинулась фешенебельная Белгрейв-сквер, — в то время как это упало тебе на колени, как спелый персик. Тебе кажется, что ты можешь получать чувственное наслаждение в объятиях случайной знакомой у стены оранжереи твоей собственной любовницы лишь потому, что тебе все дозволено. Потому что ты — его светлость герцог Уоллингфорд.

— Я прекрасно осознаю, насколько мне повезло. И с удовольствием пожинаю плоды, ибо не вижу причины отказывать себе в этом.

— Пожинаешь плоды? Стало быть, благовоспитанная благородная леди для тебя всего лишь спелый фрукт?

Уоллингфорд уставился на гладкий рукав своего кашемирового халата в поисках невидимой соринки, которую мог бы смахнуть, дабы выказать свое безразличие. Только Шелмерстоун был слишком хорошим камердинером, чтобы позволить какому-либо несовершенству нарушить безукоризненность герцогского рукава, поэтому Уоллингфорду пришлось смахнуть на идеально чистый пол несуществующую пылинку.

— Насколько я помню, — произнес он, — вышеозначенная леди наслаждалась моим обществом.

— В самом деле? — Голос герцога обдавал холодом. — Не сомневаюсь, что ты действительно в это веришь. В любом случае я решил, что твои шалости зашли слишком далеко. Ты — герцог, тебе двадцать девять лет. И я с сожалением должен настаивать на том, чтобы ты отклонил любезное предложение Берка и всерьез задумался о женитьбе.

Уоллингфорд поднял глаза на деда, сочтя, что услышался.

— О женитьбе? — спросил он таким тоном, словно его собирались кастрировать. — Вы сказали — о женитьбе?

— Именно.

— Вы с ума сошли?

Герцог развел руками:

— Надеюсь, ты понимаешь необходимость подобного шага.

— Вовсе нет. В конце концов, не стоит забывать о Пенхэллоу. Он сможет занять мое место, если судьба вдруг отвернется от меня и я подавлюсь куриной костью во время ужина.

— Твоего брата не интересует титул.

Уоллингфорд понял, что его терпению приходит конец, и резко встал с кресла.

— Стало быть, это и есть причина, по которой вы решили меня навестить? Мне предписывается стать племенным жеребцом, так я понимаю? Значит ли это, что вся моя ценность для вас заключается

лишь в моей способности произвести на свет очередного герцога?

— Мой дорогой мальчик, — сказал Олимпия, — разве вся твоя сознательная жизнь показала, что ты способен на что-то еще?

Уоллингфорд повернулся к столу и налил себе кофе. Без сливок и без сахара. Пусть напиток будет таким же черным, как его настроение. Ну надо же... женитьба!

— У меня много разных талантов, дедушка. И вы поняли бы это, если бы потрудились их рассмотреть.

Однако герцог лишь отмахнулся:

— Не будь ребенком, Уоллингфорд. Тебе даже не придется изнурять себя поисками подходящей жены. Я проявил о тебе глубочайшую заботу, подыскав идеальную невесту.

Чашка с кофе выскользнула из рук Уоллингфорда и с глухим стуком упала на ковер. Шок от услышанного был настолько велик, что он даже не попытался его скрыть.

— Вы нашли для меня невесту? — ошеломленно спросил Уоллингфорд, сжав блюдце, точно спасательный круг.

— Нашел. Очаровательную девушку. Ты будешь ее обожать, уверяю тебя.

— Прошу прощения, но мне кажется, будто я заснул и проснулся в позапрошлом веке.

Олимпия похлопал себя по нагрудному карману и достал оттуда дневник в тонкой кожаной обложке.

— Нет, — сказал он, полистав страницы. — Нет, на дворе все еще 1890 год. И слава богу, потому что у меня на сегодня назначено множество встреч, которые ужасно не хотелось бы пропустить. Так что, если ты не против, Уоллингфорд, я приглашу девушку и ее семью посетить нас с визитом в конце марта, когда они вернутся в город. Думаю, лучше всего будет дать частный обед, чтобы вы смогли получше узнать друг друга. — Герцог перевернул еще две страницы дневника. — Свадьба в середине лета — что может быть лучше? Ты со мной согласен? Розы в цвету и все такое прочее...

— Вы с ума сошли?

— Напротив, нахожусь в здравом уме. И вообще мне пора. Шелмерстоун меня проводит. Не сомневаюсь, что он уже стоит наготове возле двери. И еще...

— Да? — Уоллингфорд был слишком ошеломлен, чтобы сказать больше.

— Постарайся не впутаться до тех пор ни в какую скандальную историю, хорошо? Королеве такие вещи очень не по душе. Ах да! Чуть не забыл про орхидеи.

— Орхидеи?

— Да. Про букет орхидей для мадам де ла Фонтен. Кажется, это ее любимые цветы.

Перед глазами Уоллингфорда вновь мелькнули твидовое пальто и седые волосы, и теперь он таранился на дверь спальни, словно это были врата в ад.

Что за бес вселился в старика? Раньше он крайне редко использовал в речи слово «свадьба», а сегодня говорил о невесте, розах и прочей ерунде!

Уоллингфорд посмотрел на свою руку с зажатым в ней бело-голубым фарфоровым блюдцем и заметил, что она дрожит.

Дверь спальни бесшумно распахнулась на тщательно смазанных петлях.

— Ваш бритвенный прибор готов, сэ, — церемонно произнес Шелмерстоун, и его взгляд тут же упал на коричневую лужу пролитого кофе, постепенно впитывающуюся в бесценный ковер. Схватив со столика салфетку, камердинер упал на колени и принялся промакивать отвратительные разводы, время от времени что-то расстроенно бормоча себе под нос.

Уоллингфорд поставил блюдце на столик.

— Прошу прощения, Шелмерстоун, визит его светлости поверг меня в шок.

— Чем именно, сэ? — осведомился камердинер, с трудом подавив рвущиеся наружу рыдания.

— Он говорил о свадьбе, — ответил Уоллингфорд и, чтобы внести ясность, добавил: — О моей.

— Сэр, — только и смог вымолвить Шелмерстоун.

— Да. Ужасно печально. Он уже выбрал невесту, день и чертовы цветы. Не удивлюсь, если он уже заказал для нее платье и собственноручно расшил его жемчугом, черт бы его побрал!

Шелмерстоун откашлялся. По его лицу разлилась мертвенная бледность, только вот что послужило тому причиной — пролитый кофе, известие о свадьбе или и то и другое, — осталось загадкой. Когда же он заговорил, голос его звучал печально, точно на похоронах:

— Ее имя, сэр?

Уоллингфорд прищурился:

— Ее имя... как же... Господи! Вы знаете, Шелмерстоун, а ведь он даже не счел нужным мне его назвать. Мне-то, конечно, все равно. Я ведь не собираюсь жениться. И непременно скажу своему деду, куда он может запихнуть эту самую невесту со всем ее приданым.

Голос Уоллингфорда звучал глухо под сводами похожей на пещеру спальни, и он знал это. Здесь царила такая тишина, что, казалось, он слышал мысли Шелмерстоуна, вновь склонившегося над испорченным ковром: «Да уж! Хотелось бы на это посмотреть. Никто не смеет возражать его светлости герцогу Олимпия, если в его голове засела какая-то мысль».

— Пожалуй, принесу средство от пятен, — еле слышно произнес Шелмерстоун и поднялся с колен.

Уоллингфорд упал в кресло и обвел спальню пустым невидящим взглядом. Такая знакомая комната — величественная, но обжитая и уютная — была лишена ненужных украшений. Любимые книги сложены стопкой на прикроватном столике. Выдержанный шотландский виски тоже под рукой. Даже малейшая мысль о женщине в этом убежище заставляла Уоллингфорда дрожать от негодования.

Нет, нет! Конечно, нет! Даже герцогу Олимпия не под силу заставить его жениться.

Хотя, если честно, за последние полвека его дед фактически собственноручно снял с должности нескольких премьер-министров. И даже сама ко-

ролева раз или два меняла свое решение после короткой приватной беседы с его светлостью. А однажды он и вовсе совершил визит в Россию на своем личном корабле, чтобы прямо сказать царю...

Святые небеса! Уоллингфорд подался вперед, уперся локтями в колени и закрыл лицо руками.

Нет, выход должен быть.

Уоллингфорд растопырил пальцы и посмотрел сквозь них. Запах вылитого на голову шампанского все еще витал в воздухе, раздражая ноздри и вызывая тошноту. Шампанское. Орхидеи. В сознании плескались воспоминания о событиях вчерашней ночи: отвратительно торопливое совокупление и неприятное послевкусие при виде покрытой капельками пота груди женщины, имени которой он никак не мог припомнить.

Ему необходимо выпить еще кофе.

Внезапно что-то привлекло его внимание. Нечто неведомо как затерявшееся в стопке книг на прикроватном столике рядом с подносом. В глубине сознания пробудилась и беспокойно завозилась неуловимая мысль.

Уоллингфорд поднялся с кресла, подошел к столику и поднял три верхние книги.

Вот же она, под томиком Диккенса. Сложенная вчетверо газета, доставленная ему месяц назад, края которой уже начали желтеть.

Уоллингфорд взял газету в руки и разгладил ее. Буквы рекламного объявления, обведенного черными чернилами, были такими же четкими, как и в тот день, когда Финneas Берк принес ему эту газету.

Объявление гласило:

«Леди и джентльмены с изысканным вкусом!

Вам предоставляется уникальная возможность арендовать великолепный замок с окружающими его угодами на идилических холмах Тосканы в стране вечного солнца. Владелец замка, человек безупречного происхождения, чьи предки защищали свою собственность от многочисленных захватчиков еще во времена

Медичи, вынужден уехать по делам и сдает внаем свое не имеющее равных жилище на условиях, весьма выгодных для взыскательного любителя путешествий.

Заинтересованные лица могут обратиться за более подробной информацией к его лондонскому агенту».

Берк предложил провести там год. Целый год, посвященный самообразованию и медитации, вдали от отвлекающей внимание светской жизни с ее многочисленными развлечениями. Четыре недели назад Уоллингфорд высмеял предложение друга, едва лишь отделался от потрясения при мысли о том, как подобная идея вообще могла прийти в голову здравомыслящему молодому человеку в полном расцвете сил и инстинктов.

Целый год, свободный от назойливых визитов герцога Олимпия с его бредовыми идеями о невесте и летней свадьбе. Целый год вдали от обвинений Сесилии де ла Фонтен с ее мстительным французским характером.

Год вдали от соблазнов и навоящих скуку обязанностей, накладываемых титулом. В уединенном итальянском замке, где его никто не знает, где никто слыхом не слыхивал о герцоге Уоллингфорде.

Он бросил газету на стопку книг, и верхние тома посыпались на пол. Затем налил себе еще кофе, выпил его одним глотком, едва не опалив горло, и потянулся.

Это как раз то, что ему нужно. Поменять обстановку, уехать из мрачного серого Лондона. Подобное путешествие пойдет ему на пользу. Ведь чувство неудовлетворенности и беспокойства начало преследовать его задолго до нежеланного утреннего визита деда. Задолго до его вчерашней опрометчивой и весьма неразумной выходки.

Целый год рядом с братом и лучшим другом — приличными людьми, чьи умы заняты вовсе не глупостями. Тоскана — земля вечного солнца. Вино в изобилии, сытная еда и симпатичная девушка из соседней деревеньки. Ну или две, раз уж на то пошло.

Ну что может пойти не так?